

Он стал тихим и замкнутым, предпочитая собственную компанию даже компании своей семьи. Прошло несколько месяцев, когда Марг обнаружила его плачущим в своей ванной. Он пытался использовать ее крем для депиляции, чтобы удалить волосы у себя под мышками. Он вышел в бушующей красной сыпи от мощных химических веществ. Маргарет винила себя за то, что раньше не смогла понять ситуацию и разобраться в ней. С тех пор она всегда покупала чувствительную версию оптом.

Она была охвачена страхом и беспокойством за свою дочь, чье поведение было полной противоположностью. Джун допоздна пила и, без сомнения, валяла дурака. Каждый разговор матери и дочери превращался в эпический поединок криков.

Маргарет доверила своему мужу присматривать за Расселом, воспитывать его и готовить к взрослой жизни. Но Марк, будучи Марком, не сделал ничего, кроме как унижил своего сына перед его группой друзей-неандертальцев. Они смеялись над его попытками стрелять из ружья или лука со стрелами. Они разрушили ловушки и силки, которые заставили его расставить. И они не слушали его и не разговаривали с ним, обращаясь с мальчиком не как с мужчиной, а как с кем-то другим.

Рассел переносил все это, потому что на самом деле у него не было выбора. У его матери и сестры была своя собственная странная, извращенная мыльная опера. Его близкие друзья отстали от него на год или два на этапе полового созревания и ничего не понимали. Все, что у него было — это он сам, его доброе сердце и острый ум.

Итак, он стал самостоятельным. Он сам научился готовить, убирать и стирать свою одежду. Он нашел способы избегать дома. Будь то случайная работа в городе или обучение на холмах за их обширной собственностью. Он часто засиживался до рассвета, учась и взрослея. Становясь тем мужчиной, на которого сейчас смотрела Маргарет.

Когда его рубашка сползла с груди, она упивалась его гладкими, блестящими грудями. Она смотрела, как пот стекает с его лба и капает на ее леггинсы. Она представила, как пот капает ей на лицо, когда он загоняет ее истекающую спермой пизду в забвение. Ее соски болели, наполняясь кровью, страстно желая, чтобы их пожевали и пососали. Ее влагище было залито скользкой жидкостью.

"Черт, черт, черт! Какого хрена, Марг? Откуда это взялось? Он гей, и даже если бы он им не был, ты его мама. Я знаю, что ты одинока и возбуждена, но давай, возьми себя в руки! Почему бы тебе не сделать то, что делают Пэм и Синди, если все так плохо?"

Пока он продолжал работать над ней, Маргарет размышляла о сексуальности своего сына. Примерно в миллионный раз она спросила себя, почему он до сих пор не рассказал, даже ей. Он был таким явным геем, подумала она, он должен был уже знать.

Конечно, ей было все равно, даже если бы это было так. Она просто хотела, чтобы он был счастлив. Она решила, что поговорит об этом с Пэм и Синди в этот вечер в клубе. Мальчики ее подруг, Девон и Стив, были лучшими друзьями Рассела. Старшеклассники, все трое были

закоренелыми ворами и всегда ими были. Она задавалась вопросом, уловили ли ее друзья какие-либо флюиды о ее сыне или, возможно, о своих собственных...

Теперь Рассел перешел к массажу. Он перевернул ее на живот, радуясь, что ее сиськи теперь скрылись из его поля зрения. С положительной стороны, теперь в поле зрения появился оборот. По мнению Рассела, Идеальная Пухлая попка его мамы была ее лучшей чертой. Каждый раз, когда он манипулировал ее ногами, они покачивались и подпрыгивали. Ему хотелось, чтобы она могла видеть это в движении, знать, как окупаются ее тренировки.

Он провел руками по тыльной стороне ее ног, массируя узлы на икрах и подколенных сухожилиях. Ему хотелось, чтобы она надела шорты, а не обтягивающие эластичные леггинсы. Затем он начал бы массировать ее обнаженную кожу, что было бы намного эффективнее для нее. Но у нее была сумасшедшая навязчивая мысль, что она слишком толстая и уродливая, чтобы сделать это. Она думала, что ее ноги были бледными и покрытыми целлюлитом. Но Рассел знал что они будут выглядеть фантастически, как и все остальное в ней. Неважно, что она думала о своем возрасте, его мама выглядела хорошо, и точка. "Мне лучше знать, - подумал он, - учитывая, что я обучаю большинство женщин в городе, как молодых, так и старых."

Он читал о людях с проблемами восприятия собственного тела. В наши дни это была действительно серьезная проблема, особенно среди женщин возраста его мамы. Вот уже несколько месяцев он пытался завести с ней диалог по этому поводу, но безуспешно. Он бы продолжал пытаться, но не хотел ее пугать. Тем временем он решил продолжать осыпать ее комплиментами при каждой возможности. "Если бы только мой мудако-отец был так внимателен", - подумал он.

Снова перевернув ее на спину, Рассел вывернул ногу матери и вытянул ее в сторону. Долгими, глубокими движениями он впился пальцами во внутреннюю поверхность её бедер. Как и в тренажерном зале, он пытался сбалансировать приличия с полезным массажем. До сих пор его мама казалась довольно спокойной, так что он продолжал.

Он чуть не захихикал над комично грубым положением, в котором она оказалась. Ее ноги были широко расставлены, почти в положении для родов. Ее леггинсы были туго натянуты на паху. Они оставляли очень мало места его лихорадочному подростковому воображению. Рассел приостановил свои действия, размышляя, были ли на ней трусики или нет.

"Господи, Рассел, откуда это взялось? Двигайся дальше, чувак, это мама!"

Но он совершенно потерял ход своих мыслей. Его сознание сошло с рельсов и рухнуло вниз по метафорической насыпи. Его глаза были прикованы к месту на стыке ее бедер, и он едва мог поверить в то, что видел.

Потому что прямо там было растекающееся маслянистое мокрое пятно. Это не мог быть пот, подумал он. Это только что появилось, и ее тело уже было пропитано этим. Она что, описалась? Ему удалось оторвать взгляд и посмотреть на ее лицо. Все было спокойно и

безмятежно, ее глаза были закрыты в полном расслаблении.

"Нет, Рассел, ты знаешь, что это такое. Это сок ее киски, чувак! Я ли стал причиной этого? У нее что, озорные мечты наяву? Что мне делать? Ты, блядь, сорвал запретный плод, чувак, вот что. Прямо сейчас, блядь. УБИРАЙСЯ К ЧЕРТУ, РАСС!"

Он опустил ее ногу обратно и рискнул в последний раз похлопать ее по бедру. - Все готово, мама, - крикнул он. - Я думаю, ты пролила немного своего коктейля на свои леггинсы. Иди закончи это, а потом прими хороший долгий душ или, может быть, даже горячую ванну. Мне нужно навестить ребят, но я вернусь к ужину. Люблю тебя.

И с этими словами он ушел, его длинные, быстрые шаги за считанные секунды привели его за угол дома. Вытирая лоб, униженный подросток рванул с места на большой скорости.

На веранде Маргарет села, чувствуя себя сбитой с толку.

"Что-то пролила? Что он имел в виду?"

Когда она поднялась на ноги, то почувствовала холодное, липкое ощущение между ног. Наклонившись, она нащупала предательское мокрое пятно.

"Черт, он это видел. Он знает, что я была возбуждена."

Ее реакция на эту мысль была экстремальной, столь же сильной, сколь и неожиданной. Она поднесла пальцы ко рту и облизала их дочиста. Затем она вздрогнула, когда ее гормоны пришли в бешенство.

Покачивая головой, Маргарет Армстронг рассмеялась над нелепостью ситуации. Ее красивый, странный, похожий на Адониса сын так сильно возбудил ее, что она просочилась сквозь трусики. Он видел это и, как вежливый молодой человек, которым он был, извинился, чтобы не смущать ее. Но она ни капельки не смутилась. Ей это нравилось, и теперь в результате она почти спонтанно испытывала оргазм.

"Тебе нужно заняться сексом, Маргарет. А ещё ты должна согласишься пойти сегодня вечером в загородный клуб. Берегитесь, мальчики! Ха, как будто тебе заметят, глупая ты корова. Марк может быть подлым соблазнителем, но ты им не являешься. Тебе просто придется исчерпать свою сексуальную энергию на танцполе, как обычно..."

++++

Маргарет суежилась вокруг Рассела в тот вечер, прежде чем уйти.

- Помни, пирог нужно вытащить в три пятьдесят в течение тридцати минут. Овощи нужно готовить на пару около десяти минут, не переусердствуй с ними, иначе они все переварятся, - настаивала она.

- Мама, я испеку этот чертов пирог и приготовлю морковь и брокколи тоже. Тебе не нужно беспокоиться, - Рассел вздохнул с притворным раздражением. - А теперь поднимайся по лестнице и надевай свое танцевальное снаряжение. Кузен Синди будет здесь, чтобы забрать тебя через полчаса.

- Ах, я не знаю, малыш, - ответила она. - Может быть, я не буду утруждать себя уходом. Пэм и Синди попытаются напоить меня, а все мои платья слишком узкие, - говоря это, она заламывала руки, поэтому Рассел встал с дивана и подошел к ней. Взяв ее руки в свои, он легко поцеловал их, прежде чем сказать: - Твое новое голубое платье будет выглядеть потрясающе обтягивающим и сексуальным, мама. Завяжи волосы, как ты сделала сегодня утром, и надень свои самые высокие каблуки. Кого волнует, выпьешь ты стаканчик или два? На самом деле, я почти готов подождать и убедиться, что ты придешь домой навеселе. А теперь убирайся!

Он двинулся, чтобы похлопать ее по задку, как сделал это утром. Но она отодвинулась в сторону, когда он замахнулся, и вместо этого получила жгучий шлепок прямо по ее пышному задку.

- Рассел Макстон Армстронг, - взвизгнула она, прижимая руку к своей жгучей плоти. Розовый румянец распространился от ее груди вверх по лицу.

То, что она использовала его ненавистное второе имя, обычно было плохим знаком, но Рассел удвоил свою ошибку. - Извини, мама, но если ты не спустишься вниз, выходя на миллион долларов, то что будет впереди окажется гораздо хуже.

Мargarет ничего не ответила, и долго смотрела на сына, прежде чем взбежать по лестнице. Ее задница горела от жгучего удара, но внутри ее животика все крутилось.

"Какого хрена, Марг? Какого хрена, блядь?"

Рассел усмехнулся про себя и вернулся к просмотру телевизора. Его мать была такого низкого мнения о себе, что он стал ее главным поклонником. Казалось, она считала себя китом, но на самом деле она была сексуальной, чувственной женщиной. Кем-то, кто заслуживал гораздо лучшей жизни, чем мог предложить его бездельник-отец. Он чувствовал, что для нее было важно распустить волосы вместе с друзьями в тот вечер. Повышение уверенности в себе было бы как раз тем, что ей нужно.